

*«Мы дышали воздухом свободы, мы пили ее вино
и были счастливы. И пусть это продолжалось
лишь несколько мгновений. Зато как сладко!»*

Вильгельм Кюхельбекер

— Ну, коллеги! — главный редактор Александр Теодорович, полноватый, с короткой и густой, под Хемингуэя, черной бородой, откинулся на спинку кресла и хрустнул костяшками пальцев.— Ну, коллеги! Исторический момент. Планируем первый новогодний номер в истории нашей газеты, нашей Конторы. Потом таких номе-ров будет, надо надеяться, немало, но этот навсегда останется единственным и неповторимым. Прошу проникнуться важностью момента и высказать ваши предложения о смысле и содержании будущего новогоднего номера. Нет нужды вам говорить, что, поскольку он первый, то должен стать событием, стать чем-то особым. Еще неделю назад я попросил вас продумать предложения. Итак, что имеем в результате? Прошу, прошу поактивней! Особенno необходима нам та общая идея, тот сюжетный ход, тот стержень, который объединил бы все разрозненные материалы в одностройное общее целое. Это не должен быть винегрет даже из блестящих материалов. Нет, нет и нет! Это должно быть единое целое и в то же время многообразие и разнообразие. Прошу высказываться!

Первым высказался корреспондент по спорту, которого все в Конторе не называли иначе, как просто Витец. Бывший футболист, худощавый, с круглым, вечно веселым и чаще всего пьяным лицом, рыжеватыми густыми волосами, он постоянно источал веселье и оптимизм. Никто никогда не видел его расстроенным и раздраженным или удрученным чем-либо. Его энергии хватило бы на пятерых. На велосипеде, на попутном транспорте, а то и пешком он проехал и прошел вдоль и поперек всю область. Он, кажется, знал всех, все знали его: от рядовых граждан до самых высоких начальников. И все к нему хорошо относились. За его простодушные и неистребимую веселость, а также за то, что никто не знал столько занимательнейших историй, сколько знал их он. Ему прощались многие его недостатки: и то, что он занимал то и дело деньги, никогда не отдавая занятых сумм, и то, что он мог запить или увлечься очередным любовным романом и исчезнуть недели на две, и многое другое. Сердиться на него было положительно невозможно. На него смотрели как на «птичку Божию», которая не знает ни заботы, ни труда; как на необходимый атрибут Конторы и — на многое в его поведении закрывали глаза. Потому что без него скучно стало

бы в Конторе! Кроме того, он всегда привозил кучу интересных репортерских материалов, написанных четко, живо, ясно и, что особенно ценится в Конторе, коротко: не более полутора-двух страниц, то есть от восьмидесяти до ста двадцати газетных строк. Самый ходовой и востребованный объем! Так вот Витек выступил первым.

— Вы знаете, что я хочу сказать-то? А вот что. А зачем нам уж слишком-то корячиться над этим новогодним номером? В праздники, тем более в новогодние, народ у нас что делает? Правильно: водку пьет и другими подобными делами занимается. И плевать ему на наши умные и яркие материалы. Кто в праздник читает газеты? Сумасшедший. Разве не так?

— Витек, ты, словом, предлагаешь вообще новогодний номер не делать? Ценное предложение! Может, и газету тогда не выпускать? — возмутилась респектабельная, безупречно одетая, русоволосая и темноглазая Тамара, первый зам главного редактора. Ее за глаза называли «Железная леди Конторы», и это было верно и точно. Воля и хватка у нее были мужские, самообладание поистине как у разведчика. Спорить и толковать с нею было бесполезно: чего стоит тот или иной материал, она видела сразу и безошибочно отделяла зерна от плевел. Часто это делалось жестко, пожалуй, иногда и жестоко, но что делать? Такова газета и такова редакционная жизнь. Она не для кисейных барышень и маменькиных сынов. Дышать разреженным, суровым воздухом Конторы могут далеко не все: многих он просто убивает. Тамару боялись и уважали в редакции все: от уборщицы до главного редактора включительно. Никто не заблуждался относительно того, кто настоящий хозяин в Конторе, и когда надо было решить какой-то важный вопрос, шли непременно к ней. Если она скажет «да», вопрос непременно решится, ну уж а если «нет», то значит — нет! К главному идти бесполезно.

— Итак, ты предлагаешь новогодний номер не делать. Так, что ли?

— Да нет, Тамара. Мое предложение вот какое: сделать что-нибудь веселенькое, пестренькое этакое. Чтобы развлекать людей.

— Ну да! Произошли такие события: рухнул Союз, рухнула коммунистическая система, рождается новая Россия, входим в рыночную экономику, утверждаются новые формы хозяйственной деятельности: фермерство, предпринимательские структуры, а мы все это не замечаем! Да о чем с тобой говорить?! Ты вообще живешь вне мира сего.

— Ну вот и пишите обо всем этом в будничных номерах, а в Новый год дайте людям попраздновать!

— У тебя, Витек, что конкретно есть в новогодний номер?

— Много чего. Вот, например, знаю человека и могу написать о нем, который под Новый год второй раз на свет родился, и отмечает теперь первое января как второй день своего рождения.

— Любопытно,— одобрил Александр Теодорович,— у кого еще что? — Только если кто скажет, что у него репортаж из лесопитомника, где выращивают новогодние елки, того я задушу.

— А я тебе помогу! — поддержала Тамара.

— Тогда душите меня. Я хотел предложить такой репортаж,— отозвался Сергей.

В Конторе он был репортером, то есть журналистом, который не вел какое-то конкретное направление или тему, а занимался «свободной охотой», то бишь поиском наиболее интересных, а если возможно, то и сенсационных материалов.

— Сереж! Ну уж от тебя такой обыденности и трафаретности никак не ожидали! — накинулись на него все начальники.

— Да погодите! — отбивался он.— Вы ж не знаете сути дела. Этот питомник создал лишь год назад фермер из пригородного района. Разводит несколько разно-

видностей хвойных пород деревьев, создает центр по оформлению новогоднего праздника, утверждает, что у деревьев есть свой язык. Во как!

— Ну-у-у! Старик! Ты как всегда, чем-то выстрелишь. Это — может быть бенц! — восторженно загудел главный, у которого словечко «бенц» означало материал высшего качества.— Конечно, проходит!

— Сереж, ты — гений! — восхитилась Тамара.— Вот ведь умеешь в самой, казалось бы, трафаретной теме, избитой-перебитой найти что-то свежее!

— Ну вот,— удовлетворенно сказал Сергей.— А хотели душить и бить. Вы сначала выслушайте.

Сергею в начале девяностых, когда верстался первый номер новой областной газеты, было сорок три года. Темный лицом, которое все было изрезано глубокими морщинами, говорящими о бурной и трудной жизни, плотный по телосложению, не-предсказуемый по характеру, он был, по отзывам многих, «журналист милостью Божией». И если бы слишком часто не заглядывал в стакан с вином или водкой, то, конечно, достиг бы высоких степеней и должностей в Конторе. Трезв он бывал не более трех дней в неделю, но этих дней ему хватало в лучшие его годы, чтобы создавать статьи, очерки и корреспонденции, удивлявшие и восхищавшие многих. Он однажды время работал в Казани собственным корреспондентом «Комсомолки», но вскоре затосковал, запил и был уволен. Эти приступы необъяснимой тоски нападали на него, как припадки на эпилептика, регулярно, и тогда он пил вглухую, становился раздражительным и неуправляемым. Все об этом знали и мирились с этим за его могучий талант, который выражался не только в статьях и очерках, но и в стихах. Он прекрасно знал нашу и зарубежную поэзию, играл на гитаре, и даже сам сочинял песни, очень талантливые. Издал один поэтический сборник, а стихов у него было на целых пять. Относился он к ним, как и его поэтический тезка Сергей Есенин, с поразительной небрежностью, разбрасывая где попало. Память у него была чудовищная. Он, например, знал наизусть «Евгения Онегина», «Гамлета», «Демона», мог страницами цитировать Булгакова, особенно «Мастера и Маргариту», знал наизусть и священные тексты Евангелия, Ветхого Завета, Псалтири, многих духовных песнопений и молитв.

Где и с кем он жил, о том никто не ведал. Сам же себя он именовал «бомжем» и говорил, что меняет сожительниц как перчатки.

— Сережа всегда чем-нибудь удивит,— одобрила Людмила Николаевна.

О ней, этой поистине замечательной женщине, просто необходимо сказать особо. Она стройна, черноволоса, элегантна, выше среднего роста, неизменно спокойна. Ее лучистые карие глаза удивительно выразительны, а лицо с тонкими, изящными чертами напоминает одухотворенностью своею облики, запечатленные на полотнах лучших мастеров нашей и зарубежной портретной живописи. В девятнадцатом веке она, несомненно, была бы знатной светской дамой, окруженной поклонниками. В ее честь слагали бы элегии Пушкин, Баратынский и Жуковский. А в конце двадцатого века она работала в Конторе и формально вела проблемы школьного и вузовского образования. А фактически она писала обо всем и как писала! Безупречность стиля сочеталась в ней с остроумием и глубоким знанием проблемы. С какой бы стати, например, ей писать о проблемах водоснабжения провинциального городка? А она раскопала в музее, что водопровод тут был еще в семнадцатом веке и действовал прекрасно, что вода подавалась из реки в центр города по деревянным (дубовым) трубам, и что эта система до сих пор сохранилась! А вот потомки, имея передовую технику и технологии, оставили город чуть ли не без воды! После публикации ее материала под заголовком «Удивительный вопрос: почему я водовоз?» главе района и главе города было объявлено губернатором по строгому выговору, принято специ-

альное постановление о реконструкции системы водоснабжения и выделены на это средства. И это в то время, когда денег не было, казалось бы, в областной казне, когда все чиновники плевать хотели на выступления газеты, даже областной! Но на нее плюнуть не получилось. Людмила Николаевна — классик, она не просто журналистка, она подлинное лицо Конторы, ее живой символ. Весьма, надо сказать, симпатичный символ. В свои сорок пять она выглядела не старше тридцати, а то и моложе. С мужем она рассталась и жила со взрослой дочерью.

— Ну а вы-то, Людмила Николаевна, вы-то чем порадуете?

— Да есть мысли. Вот один наш студент международную престижную премию как раз на днях получил. И вы знаете, за что? Предлагает, ни много ни мало, новый источник энергии: брать ее прямо из окружающей среды по особой методике, не сжигая ни уголь, ни газ, ни нефть.

— Идея Николая Теслы! — блеснул эрудицией Борис, отвечавший в Конторе за контакты с органами власти. Полный, пожалуй, даже толстый, круглолицый, с коротко остриженной круглой головой, подчеркнуто небрежный в одежде. Сейчас он был в старом закатанном свитере и потертых голубых джинсах. Борис брался за самые, казалось бы, скучные темы (выплата задолженностей, ЖКХ, освоение выделенных под те или иные программы бюджетных средств, проблемы инвестиций, развития бизнеса — в общем, за все, за что и под расстрелом не заставишь взяться журналистскую братию, которой непременно подавай что-нибудь «вкусненькое»), и он делал на этом тяжелом материале прекрасные, остроумные статьи. Чиновники, правда, читая его отчеты или аналитические материалы, морщились и дергались, но в Конторе его стиль и подходы в целом одобряли, тем более, что к фактуре относился он бережно и аккуратно. Он один воспитывал десятилетнюю дочку, имел украинский паспорт и не имел российского и за глаза его в Конторе называли «Кот Матроскин», он об этом знал и не обижался, скорее, наоборот был польщен сравнением со знаменитым персонажем мультфильма.— Идея Теслы! — повторил он.— Нет, мне думается, это супер! Особенно если учесть, как это может сделать Людмила Николаевна.

— А у тебя-то, Борис, что?

— Ну что у меня, что у меня... Долги вот оборонным предприятиям скорее всего в новом году спишут. Есть еще вот мужик один, путешественник, наш земляк, будет встречать новый год на экваторе.

— Делай и то, и другое... Что промышленный блок скажет? Юрий... Списание долгов оборонке ты должен был отследить. Ну да ладно. Что предлагаешь?

Юрий, худощавый, высокий, с маленькой головой и острым, с горбинкой, носом, столь же острыми, колючими глазами, пользовался в Конторе репутацией скандалиста и правоискателя. Таковы же были и его статьи, неизменно разоблачительные, с большой долей злости и едкой иронии. Его не любили и побаивались все: и коллеги, и чиновники с депутатами, и хозяйственники. Однако без его желчного и резкого ума, жестких оценок газета была бы пресной и скучной. При встречах с начальством он высказывал без обиняков все то, о чем другие и подумать боялись. Никто не знал, что этот худой, жесткий и желчный человек втайне ото всех пишет тонкие лирические стихи, любит Бетховена и художников-импрессионистов.

— Ну насчет списания долгов коллега поторопился, так сказать, забежал впереди паровозного дыма, еще рано об этом говорить.

— А о чем можно говорить?

— Да о чем говорить, Александр Теодорович, оборонка на боку лежит, заказа нет. О чем говорить? Не знаю даже.

— Какие-то товары народного потребления-то они ведь делают?

— Да делают! Делают вот у нас на машзаводе утюги электрические и бытовые инкубаторы.

— Кошмар! Элитное предприятие! — Тамара покачала головой.— Ну ты можешь вот об этом сделать материал?

— Не знаю, наверно, смогу. Надо с Дроновым, с генеральным согласовывать, а он ведь нашего брата не очень...

— Нет, ну ты сделай, сделай... А что наш аграрный журналист молчит? Лунин! Владислав! Как у нас село-то? Живо хоть?

— Едва! — усмехнулся Лунин.— По всем показателям снижение. Даже не знаю, что делать.

— Ну ты можешь найти интересного фермера и нестандартного руководителя хозяйства?

— Нет проблем! Найду.

— Вот найди и пусть они выступят, расскажут правду, как им живется-можется в новой российской действительности.

— Так. Тамара, кого мы еще не опросили? Социальный блок! Вы что думаете? Надо бы со священником интересным побеседовать. А? Марин, сделаешь?

— Сделаю. Посоветуюсь в епархии.

Марина вела в Конторе дела духовные и культуру. В свои тридцать лет она была красива, одевалась по последней моде и жестко держала дистанцию со всеми коллегами за редкими исключениями. Ее называли «белокурой бестией», в нее многие были влюблены, но безответно, поскольку она, похоже, дала себе слово не связываться с коллегами по журналистскому цеху. Между тем поклонники и любовники у нее были, но среди бизнесменов и научно-технической интеллигенции. Последний из ее трех мужей был профессором, и она без сожаления рассталась с ним, хотя он души в ней не чаял: во-первых, потому, что он был слишком стар для нее, а во-вторых, и едва ли не в главных, из-за его пристрастия к спиртному.

— Так! Что наш отдел иллюстраций скажет? Виталий Петрович? Снимки какие будут?

Виталий, высокий, широкоплечий, легкий на ногу, как и положено фотокорреспондентам, сын известного корреспондента ТАСС, сделал неопределенный жест.

— Да что я? Пусть журналисты заказывают снимки. За мной, за моим отделом задержки не будет.

— Ну а ты-то разве не журналист? Еще какой! Фотожурналист. У тебя должны быть свои темы, идеи...

— Да есть кое-что...

— Ну поделись, поделись.

— В одном старинном нашем городе реставрация монастырского комплекса закончилась, будет освящение. Вот если фотопортаж оттуда...

— Что ж, пожалуй, пойдет.

— А вот у меня идея,— вступила Татьяна, которая занималась в газете социальными проблемами в самом широком их спектре. Она была высока ростом, молода, имела пышные светлые волосы, великолепные плечи и огромные с зеленоватым оттенком «колдовские» глаза, которые многие влюбленные в нее мужчины, а таковых было без числа, называли «бездонными» и говорили, что долго смотреть в них ну никак невозможно! Она тоже предпочитала не заводить романов с журналистами, тем более коллегами по Конторе, отдавая предпочтение военным. Она была хищница. Охотница. За мужчинами. В этом, а вовсе не в работе был смысл и содержание ее жизни, что она и сама признавала. Перерывы между романами были для нее мучительны. Она настойчиво искала и находила — при своих-то данных! — новую жертву. Особое удовольствие ей доставляло влюбить в себя женатого мужчину, и чтобы он ради нее наделал разных безумств и глупостей, даже оставил семью. Много, много

разбитых судеб и сердец было среди ее жертв, длинен был список ее побед и мало тех, кто мог бы устоять против ее чар, если уж она задумала их использовать. Ее сексуальная притягательность была не просто велика, пожалуй, огромна.

— Вот у меня идея,— сказала она,— на кондитерской фабрике освоили новые виды сладкой продукции. Таких вообще в России вроде бы нет. Сделать?

— Тань,— отреагировала Тамара,— делай, но попробуй договориться: может, они заплатят? Ведь это же реклама.

— Ну, само собой, я поговорю.

Разговор подходил к концу. Но в нем приняли участие не все главные лица Конторы. Молчал и вообще-то молчаливый, бородач и философ, ответственный секретарь Ксан Ксаныч, которого называли «Вулканом» за то, что его молчание периодически прерывалось довольно нестандартными словами и поступками, в чем читатель еще будет иметь возможность убедиться. И это было действительно похоже на извержение вулкана. Правда, как и настоящее извержение, случалось нечасто. А признак скорого извержения был один: Ксаныч начинал усиленно дымить своей трубкой и становился мрачен и особенно неразговорчив.

Здесь был Николай, пришедший из заводской газеты. Его называли за фантастическую работоспособность «Машиной». Не проходило номера без его материала, а в многих номерах их было по два и даже по три. Когда он все это успевал, для всех было тайной. Его костерили за сухость, холодноватость стиля и обилие словесных штампов, но начальство в нем души не чаяло, называя «палочкой-выручалочкой». Здесь был Леонид, писавший обзоры федеральных газет и еженедельников, которые публиковались в самом ходовом — пятничном — номере газеты и имели успех. Поскольку умел он выделить, перерыв кипу изданий, самое интересное, необычное, поучительное, характеризующее нашу тогдашнюю съехавшую в очередной раз с основ российскую жизнь.

Здесь был Вячеслав, пришедший из прекратившей свое существование областной партийной газеты. Бывший моряк, капитан первого ранга, красавец и утонченный стилист. Конечно, прозвище у него было «Капитан». Его рассказами о морской службе и разных ее происшествиях можно было заслушаться, тем более, что рассказывал он мастерски, в лицах представляя все происходящее, показывая характер каждого действующего лица. Он служил на Дальнем Востоке на крейсере, ходил на подводной лодке, погружался на значительную глубину в водолазном костюме, совершил два кругосветных плавания, а выйдя в запас, решил вернуться в родной областной город, расположенный далеко от всех морей, и стать журналистом.

Здесь была роковая женщина красавица Алла — наполовину татарка, а наполовину русская. Разрез огромных черных глаз и густые длинные тоже черные волосы, которые она любила носить распущенными, а также взрывной характер, страсть и чувственность — это у нее, конечно, было от татарских предков, а вот манера одеваться по моде, увлечение всеми благами современной цивилизации — это, конечно, уже шло в большей степени от русских. Она писала об истории, краеведении, по военно-патриотической тематике. Ну и что Бог пошлет, и главный редактор прикажет!

И еще о двух лицах Конторы необходимо сказать. Ольга — высокая, светлая, какая-то нездешняя, стремительная. Автор удивительных стихов. В Конторе появлялась нечасто, но когда появлялась, приносила статьи и очерки, столь же пронзительные, как и ее стихи. И на такие темы, которые только она одна во всей Конторе и умела находить. Например, о том, как упала и умерла лошадь на улице города. Или как внучка выгнала бабушку из ее квартиры на улицу, так что той некуда было и идти. Или о другой старушке из старинного города, у которой в однотасье сгорело все, осталась она одна с кошкой Маруськой. Люди читали ее материалы и плакали, а по-

том писали письма в редакцию: «А вот у нас аналогичная история. Пусть Ольга приедет и напишет». По многим письмам она ездила и писала.

Андрей — литературный редактор. Странная это была личность. Сама внешность его была, мягко говоря, нестандартной: темное лицо, одно плечо заметно ниже другого. Глаза какого-то непонятного, тоже темного цвета и — вроде провала: смотришь в них, словно в бездонный омут. Друзей у него не было, а характер был крайне неудобный, сложный, скрытный. Материалы многие он сокращал безжалостно более чем наполовину, многие заворачивал вовсе с убийственными резолюциями. Лунин до сих пор помнит их. Например: «Владислав Васильевич! Если у вас по старости лет проблемы с памятью, то редакция в этом не виновата». Или: «Вы уже не раз писали об этом. Сколько же можно повторять одно и то же, к тому же сумбурно, без всякой логики?» И так далее в том же духе и роде. Его боялись и не любили. Но справедливости ради надо сказать, что многие его замечания были совершенно справедливы.

— Ну что, господа! Завершаем, — подвел итог Александр Теодорович. — Что хочу сказать? «Мясо» вроде бы есть. А вот на что его нанизывать — этого нет, а значит, образно говоря, «шашлык» мы не сжарим. Того стержня будущего номера, о необходимости которого я говорил и говорю, нет. Нет общей идеи. Ладно, будем думать. Сейчас прошу всех переместиться в другой кабинет. У одной из сотрудниц, а конкретно у очаровательной нашей Татьяны, в которую, я не сомневаюсь, влюблены едва ли не все мужчины редакции, сегодня день рождения. В общем, она просит нас всех к столу. Там и продолжим.

Планерка перетекла в неформальную обстановку. Там-то, за «Портвейном» и нехитрой закуской, и родилась в спорах и столкновениях мнений общая, направляющая идея новогоднего номера. Кто уж был ее автором, теперь за давностью времени и не установить. Но главному и даже Тамаре идея понравилась. Решено было накрыть на страницах газеты символический новогодний стол. И собрать за ним всех наиболее интересных людей области. И вот так, в застольной, непринужденной беседе, и рассказать интересные истории, поговорить и о серьезном, о проблемах, пошутить и так далее. В общем, недурная идея! Да, кажется, сам главный ее и высказал, он имел дар на нестандартные решения.

— Ну что ж, коллеги, — сказал он, поднимая пластиковый стаканчик с портвейном, — выпьем за успех номера и нашей газеты вообще. Я что хочу сказать? В замечательное, интересное время мы с вами живем! Правда! Нам будут наши потомки завидовать. Они скажут, что мы были свидетелями рождения новой России — демократической, свободной, исповедующей не какие-то выморочные коммунистические идеи, а общечеловеческие ценности! Ведь еще лет пять-шесть назад разве мы могли бы себе представить, что будем писать на такие темы, на которые мы свободно пишем сейчас? Да нет, конечно! О них и думать было нельзя. Какие священники? Какие фермеры? Какое предпринимательство? А сейчас? Как все поменялось! Мы — одна команда, можно сказать, одна семья, соединенная общностью интересов и стремлений, главное из которых — сделать яркую, талантливую, народную газету, подобной которой не было до нас и не будет после нас. Такова, коллеги, сверхзадача. Итак, мы присутствуем при рождении новой России и новой газеты, воплощающей родовые черты нового общества. Вот за это давайте все выпьем!

— Ура! — раздалось со всех сторон.

— За газету! За Россию! За всех нас и за наши творческие успехи!

— Ну да, — задумчиво произнес Ксан Ксаныч, — мы присутствуем при рождении России. Или при ее гибели...

— Что ты сказал, Ксаныч?

— Да нет, это я так, про себя...

— Господа! — обратился ко всем Сергей, уже изрядно выпивший.— Господа! У меня экспромт на тему, о которой так проникновенно сказал Александр Теодорович. Можно?

— Давай! Давай! Давай!

— Гм! Дайте промочить горло. Что-то пересохло. Ну, слушайте.

*Мятутся страны и народы,
Режисмы рушатся во тьму.
А мы? Мы пьем вино свободы.
Не пристраститься бы к нему!*

— Позволь, старик,— после аплодисментов и восторженных криков сказал Теодорович,— мне что-то непонятна последняя строчка. Что значит: «Не пристраститься бы»?.. Разве плохо всегда пить вино свободы, то есть быть свободными людьми?

— Теодорыч! Ты правда не понимаешь или придуриваешься? По-моему придуриваешься. Потому нельзя привыкать к вину свободы, что оно скоро кончается, его мало. И потом тяжко будет похмелье. Ты же по образованию историк. Разве не знаешь, что у нас в России свобода долго не продолжается, быстро сменяясь чем? Правильно! Новым витком деспотизма! Вот чем.

— Старик, ты не совсем прав. И вот в данном случае...

— Да пошел ты! Ты, как и все мы, просто употребил сверх меры этого самого вина свободы. Вот и кажется тебе, что этот праздник демократии, когда и из нашего «белого дома» особенно не жмут, и вроде в кой-то веки обо всем писать можно,— что все это будет продолжаться чуть ли не вечно. Ну, хотя бы достаточно долго! Нет, старина, оно скоро закончится, как вот этот замечательный портвешок у нас на столе! Праздник не может продолжаться долго. Иначе это уже не праздник.

— Пока не закончилось, наша задача его пить.

— А вот это ты замечательно сказал! Так выпьем, Теодорыч! Кстати, ты почему Теодорыч? А? У тебя что, отец иностранец был, да?

— Да нет. Русский. Но его называли Теодором в честь известного дипкурьера Теодора Нетте. Ну, помнишь у Маяковского: «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»?

— Теперь ясно. Ну, пьем!

— Сергей! Сережа! Что вы там с Теодорычем уединились? Дамы требуют песен и музыки. Гитара есть. Спел бы.

— Не вопрос! — Сергей отбросил со лба длинные пряди черных густых волос.— Сейчас вот выпьем еще один тост и — вперед.

Вдруг он насторожился и весь напрягся.

— Ты что?

— Теодорыч! Контора закрыта изнутри?

— Да. Я сам и закрывал.

— Но в ней кто-то есть посторонний.

— Да брось ты. Кому быть? Все закрыто. Я проверял.

— Нет. И все же мне кажется, я четко чувствую, а я в этих делах не ошибаюсь: кто-то посторонний есть. Пойду посмотрю.

Он вышел в полутемный, гулкий и длинный коридор, походил, посмотрел. Вернулся в кабинет.

— Ну что?

— Да вроде никого. Но запах какой-то неприятный. Вроде сероводорода. Резкий такой. Выди, принюхайся.

— Да ладно тебе. Наверно, наши соседи в лаборатории на пятом этаже что-то делают.

— Не знаю, не знаю. Ну, давай еще выпьем. Да надо заявку дам исполнить.

— Вот это лучше!

Выпили. Сергей взял гитару и стал перебирать струны и песни. Не допевая до конца одну, начинал другую. Такое вот попурри.

*Что происходит на свете?
Всего лишь зима.
Только зима, полагаете?
Да, полагаю.
Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
В ваши уснувшие ранней порою дома...
Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.
Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши снег, а кроме
Крыши и снега никого!..
Виноградную косточку в теплую землю зарою
И лозу поцелую, и спелую гроздь я сорву.
И друзей созву, на любовь свое сердце настрою.
А иначе зачем на земле этой вечной жишу?*

Ему подпевали:

*После дождика небеса просторней.
Голубей вода, зеленее медь.
В городском саду — флейты да валторны.
Капельмейстеру хочется взлететь!..
Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены.
Тих и печален ручей у янтарной сосны.
Пеплом подернулись алые угли костра.
Вот и закончилось все, расставаться пора.*

Напелись, наговорились досыта. Разговоры были разные. Обсуждалась, например, надевавшая шуму неожиданная смерть главного редактора местного издательства, а в недавнем прошлом журналиста, известного всем Алексея Ивановича. Он умер один, в своей квартире. О причинах смерти говорили разное. В последнее время он очень много пил. Ходили упорные слухи, что он покончил с собой в состоянии тяжелой депрессии. В общем, история была темная. И невозможно было отделить в ней правду от вымысла, сплетен, которых всегда хватает вокруг каждой более или менее известной личности. А Алексей Иванович был личностью в области известной. Красавец-мужчина, писатель, главный редактор, делегат двух комсомольских съездов, член Союза писателей, автор четырех книг рассказов и повестей. Он был родом из глубокой провинции и сам сделал свою карьеру, которая в советское время развивалась по восходящей и обещала ему все более заманчивые перспективы. Сперва главный редактор молодежной газеты, потом заведующий сектором печати, радио и телевидения обкома партии. Нет сомнения, что он пошел бы и выше. Но коммунистов свергли, и карьера закончилась, а жизнь дала сильную трещину. Он вынужден был

искать себе новую работу, став главным редактором книжного издательства. С тех пор что-то в его жизни, в душе сломалось и пошло вразнос. Он стал сильно пить. Запои длились неделями. Расстался с женой. Какими-то непонятными и, как говорили, не очень чистыми делами занялся его сын. В минуты просветления немногим оставшимся у него друзьям Алексей Иванович говорил, что не видит для себя никакой перспективы в этой новой, так круто изменившейся жизни, где все те идеалы, которым он поклонялся и служил, и та система, в которой он устраивал свою карьеру, были отброшены, отвергнуты, подвергались осмеянию и даже преследованию. А в новой реальности он, хоть был еще далеко не старым человеком в свои сорок три года, найти себя так и не смог. Да и только ли он не смог? Кто их считал, эти сломанные судьбы? Кто думал и кто думает о них? У нас в России государственный корабль по воле его капитанов зачастую так резко меняет курс, что миллионы людей летят за борт и гибнут в пучине бушующего моря. И никому нет до них никакого дела!

А пока в Конторе за столом идут тихие разговоры об этой непонятной смерти талантливого и красивого человека, которого знали и уважали многие, о том, что завтра его хоронят и надо бы, конечно, сходить, проводить. А за окнами метель кружится под фонарями, мчится поземкой по уже пустынным улицам. Окна замурованы морозом. Страна, пережившая великий распад, с трудом приходит в себя. Люди еще пьяны от свалившейся вдруг, как снег на голову, свободы и демократии, от изобилия в магазинах, от возможности, пусть виртуальной, теоретической, каждому основать свое дело, свой бизнес и стать, если уж не богатым, то весьма обеспеченным. И при этом пока не думается о тех непростых временах и проблемах, которые навалятся вскоре. Все — господа, госпожи, все уверены, что стоит открыть свое дело и деньги потекут рекой. Все наголодались, насилились без денег и полны решимости становиться предпринимателями, а значит, богатыми людьми. Как в Западной Европе, в Америке. Америка, Европа — наши друзья и партнеры. Конец «холодной войны», всем этим надоевшим, как горькая редька в постный день, советским стереотипам и запретам, чтоб они провалились подальше! Пресса — четвертая власть! Куда там!.. Рынок, новые технологии. Заграница нам поможет, а то и накормит, в случае чего. Ну и так далее. Полный набор мифов, иллюзий и миражей нового времени, пришедших на смену советской мифологии.

Отрезвление — горько! — придет позже, придет понимание того, что все далеко не так просто и замечательно, и сломаются многие жизни и судьбы, а прежде всего — и главное — жизнь и судьба всей страны, некогда великой и уважаемой во всем мире, а теперь жалкой, униженно выпрашивающей подачки в виде кредитов и не получающей их; страны, подбирающей устаревшие технологии и технику, ориентирующейся на западноевропейские и американские образцы, причем, образцы худшие, неудачные, потерявшей свою историю, свою культуру, свои традиции, а стало быть, свою душу; дезориентированной ее новыми правителями, не знающей, куда идти, что делать, страны, в которой нет народа, а есть безликое «население» или того еще хуже — «электорат»! Пушкин как-то сказал, услышав первые главы «Мертвых душ» Гоголя: «Боже, как грустна Россия!» Ныне к этому можно добавить: и как она жалка и унижена!

Но все это придет позже. А пока — как это там у Кюхельбекера? — «мы пили вино свободы и были счастливы». И не знали, что нашим надеждам, во всяком случае многим из них, не суждено сбыться. И если бы перед нами поставили волшебное зеркало, благодаря которому мы могли бы заглянуть в наше будущее, увидеть себя лет через двадцать-тридцать, то с ужасом и омерзением отшатнулись бы мы от этих жутких видений и сказали: «Нет! Уберите! Это неправда! Это глупая, мерзкая шутка! Этого не может быть и не будет!» Но это все будет. Просто не знают о том люди,

собравшиеся в Конторе за столом, поющие, рассуждающие, смеющиеся и грустящие, и пьющие вино, а знает один только всеведущий Господь!

Примеч. авт.: «Контора». *Повесть о газете и газетчиках* — первая из пяти книг прозы — своеобразной пенталогии авторского проекта о современной российской «провинции», — подготовленных к изданию. Все пять книг — «Контора». *Повесть о газете и газетчиках*, «Провинциалы», «Бездомные» «Хлебный дед» (роман «Хлебный дед» представляет собой диалогию: первая часть — «Хлебный дед», вторая — «Бой в окружении». Обе части взаимосвязаны и дополняют друг друга, являясь вместе единым целым), — повествующие о жизни и людях нестоличных городов и сельской «глубинки», основаны на реальных событиях, фактах и явлениях. В них нашел отражение многолетний опыт работы автора в региональных СМИ. Однако ошибочно воспринимать их как документальные, поскольку они являются писательским литературно-художественным вымыслом и все совпадения — случайность.

«Контора» — это редакция. «Повесть о газете и газетчиках», как определяет жанр своей новой книги сам автор. Герои повести — журналисты, остро переживающие свои духовно-нравственные и творческие взлеты и падения, как и Конторы в целом, в нелегкий период отечественной новейшей истории — на пике лихих 90-х годов прошлого столетия. И каждый по-своему выходит из жизненных тупиков и ловушек, духовных и творческих кризисов, нередко и трагически...